

ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ

В 2017 г. в Тихоокеанской Азии сохраняются основные тенденции в области политики и международных отношений, сложившиеся в предшествующие годы и определяющие общий фон, на котором разворачиваются принципиально важные для судьбы региона общественные и экономические процессы. Вместе с тем для последних будет характерен повышенный динамизм и постоянное появление новых акцентов и нюансов.

В области **военно-политических отношений и международной безопасности** ожидаются некоторые изменения в политике Соединенных Штатов – крупнейшего военно-стратегического актора в этом регионе. США, безусловно, продолжат уделять первостепенное внимание укреплению своих позиций на Тихом океане и в Восточной и Юго-Восточной Азии, считая это направление одним из наиболее приоритетных в своей внешней и оборонной политике. Центральную роль в этих усилиях по-прежнему будет играть система двусторонних альянсов, в первую очередь с Японией и Южной Кореей, а также мощное военное присутствие в регионе, обеспечиваемое во многом благодаря этим альянсам.

Вместе с тем смена президентской администрации в США может привести к ужесточению линии США относительно действий КНР в Южно-Китайском море и оборонной политики Китая в целом. Одновременно усилятся стремление более активно привлекать к поддержке американских действий Японию и Южную Корею. Можно также ожидать укрепления горизонтальных связей в системе американских военных альянсов, в частности между Японией и Южной Кореей, между Японией и Филиппинами.

Тем не менее, перерастание противостояния США и их союзников, с одной стороны, и КНР – с другой, в открытый вооруженный конфликт по-прежнему остается маловероятным.

В течение ближайшего года будут сохраняться и другие традиционные источники международной напряженности в этом регионе. В первую очередь это относится к стремлению **КНДР** утвердить свой статус страны, обладающей ядерным оружием. Резко отрицательная реакция соседних стран, а также США на действия КНДР в этом направлении, в свою очередь, повышает градус противостояния в этом чувствительном районе мира, в результате чего узел опасных противоречий затягивается все туже. Неоднозначную реакцию ряда стран Азии вызывает и линия японского правительства на отказ от самоограничений в области оборонной политики и военного строительства. Это, в свою очередь, обостряет ставшие уже традиционными периодические политические и дипломатические споры между ними, связанные с различной оценкой истории взаимоотношений между странами Восточной Азии в первой половине прошлого века.

По-прежнему серьезным источником трений, порою принимающих острый характер, остаются и территориальные споры между государствами региона. И все же, поведение правительств и лидеров этих государств дает основание полагать, что конфликтные ситуации в Тихоокеанской Азии не выйдут из-под контроля и не приобретут слишком острых форм. На фоне высокой конфликтности в регионе по-прежнему сильно сознание взаимозависимости и общей заинтересованности в сохранении международной стабильности как условия для экономического и социального развития всех составляющих его стран.

Интеграционные процессы в Тихоокеанской Азии в 2017 г. ожидают испытания, связанные с избранием американским президентом Д. Трампа и завоеванием республиканской партией контроля над палатой представителей и сенатом конгресса США. Поскольку новый глава вашингтонской администрации и конгрессмены едины в своем критическом отношении к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП), ратификация данного амбициозного соглашения, по крайней мере в 2017 г., несмотря на призывы Японии не отказываться от проекта, представляется маловероятной. Скорее всего, не только США, но и большинство остальных стран, подписавших документ о создании ТТП, возьмут паузу для оценки созданного положения, тем более что без ратификации соглашения американским конгрессом оно даже теоретически не сможет вступить в силу.

В сложившихся условиях в повестке дня экономического диалога стран АТР в 2017 г. встанет вопрос о возможностях и перспективах интеграционных проектов, альтернативных ТТП. Так, потенциально открываются новые возможности для китайской дипломатии. Однако добиться на практике заметных изменений в свою пользу в ближайшие годы КНР будет весьма сложно. Повод для сомнений дает трудное продвижение концепции Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) как объединения 16 стран АТР, в котором Китай претендует на роль лидера. Многие влиятельные потенциальные участники РВЭП, прежде всего из числа членов АСЕАН, рассматривали этот проект не как конкурирующий с ТТП, а как в определенной степени дополняющий его. Данное обстоятельство явилось одной из причин затягивания принятия основополагающих документов РВЭП, которое планировалось еще на декабрь 2015 г. Поэтому в 2017 г. предстоит сложный процесс перезагрузки переговорного процесса, в рамках которого участникам придется определить цели и возможности РВЭП в новых условиях.

Параллельно в странах-членах АТЭС продолжится изучение потенциальных возможностей, связанных с принятием в 2016 г. на Саммите АТЭС в Лиме Декларации об Азиатско-тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ), идея которой активно продвигалась Китаем. Между тем, одобренный в Лиме документ носит достаточно общий характер. В определенной мере 2017 год должен стать показательным в смысле подтверждения возможности выполнения Богорских соглашений к 2020 г. и подготовки к этой дате основных принципов и сроков перехода к АТЗСТ.

В прогнозный период члены АТЭС должны будут приступить к решению сложной задачи. Им предстоит развеять неопределенность в трактовке концепции регулирования региональной торговли и трансграничных инвестиций, когда, с одной стороны, декларируется приверженность принципам и нормам, устанавливаемым ВТО, а с другой – провозглашается стремление подготовить соглашение, рассчитанное на решение будущих проблем развития торговли и инвестиционных обменов (“next generation trade and investment issues”). Столь же неопределенным остается тезис о намерении интегрировать уже существующие между членами АТЭС двусторонние и многосторонние соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) в единый договор, действие которого распространится на весь регион. Пока дорожной картой намечается лишь проведение инвентаризации этих соглашений с акцентом на выявление существующих различий и противоречий. На следующем этапе предстоит поиск возможностей снятия противоречий действующих соглашений о ЗСТ с последующим переходом к выработке новых норм регулирования. Учитывая огромные сложности на этом пути, работа по выработке новых норм растянется на долгие годы.

Между тем переговоры членов АТЭС в 2017 г. могут подтвердить заинтересованность тихоокеанских государств собственно в самом существовании АТЭС, что еще недавно рядом экспертов ставилось под сомнение. По-прежнему будут востребованы статистические

данные, оценки основных вызовов и возможностей развития, собранные и обработанные государственными и общественными организациями, коммерческими структурами и предоставляемые в обобщенном виде АТЭС. Еще большую ценность представляют возможности АТЭС в качестве переговорной площадки, которой активно пользуются главы государств и правительств. Посредническая функция АТЭС будет особенно полезна с учетом того обстоятельства, что не только ТТП и РВЭП, но и АТЭСТ предполагается реализовать вне рамок АТЭС.

В любом случае, в ближайшие годы трудно ожидать сколько-нибудь значительных сдвигов в реализации любых региональных интеграционных мегапроектов. Это, вероятно, подтолкнет ведущие страны региона к переговорам в более традиционном формате – на двустороннем или субрегиональном уровнях. Многое будет зависеть от результативности американо-китайского диалога по вопросам мировой торговли.

Кроме того, продолжится концентрация торгово-инвестиционных связей Китая, Японии и Республики Корея в наиболее перспективных сферах экономики, что создает организационную и технологическую основу для углубления интеграционных отношений. Политический кризис в Южной Корее, не исключено, может задержать принятие окончательных межгосударственных соглашений, однако работа на экспертном уровне будет продолжена, а возможно и активизирована, учитывая экономические вызовы, с которыми три страны сталкиваются на внутреннем и мировом рынках. Взаимная заинтересованность Пекина, Токио и Сеула в экономическом сближении будет подталкивать их к поиску компромиссов и выработке согласованной позиции относительно содержания и перспектив взаимной интеграции.

Трудности продвижения трех стран по пути политического сближения будут отчасти компенсироваться активизацией культурных и гуманитарных обменов между ними. Несмотря на соперничество и дискуссии по отдельным вопросам, а возможно и попятное движение по некоторым направлениям, сотрудничество в этих сферах будет развиваться и охватывать как традиционные, так и новые формы гуманитарного и культурного взаимодействия. Это процесс, помимо всего прочего, послужит дополнением региональной экономической интеграции, а возможно, и выступит в качестве меры, частично компенсирующей дефицит общих политических ценностей и непоследовательность межгосударственного диалога.

Политическая ситуация в основных странах региона в ближайший год не претерпит драматических изменений.

В КНР будет расти политическая активность и напряжение в связи с приближением намеченного на осень 2017 года 19-го съезда Коммунистической партии Китая. Руководство партии будет стремиться использовать это время для консолидации административной и военной власти, с тем чтобы на предстоящем съезде иметь возможность решить все основные, прежде всего, кадровые вопросы в соответствии со своими собственными представлениями.

Дестабилизирующую роль во внутриполитической сфере Китая будет играть, в первую очередь, обострение административно-бюрократической борьбы в партийной элите, связанное с недовольством укреплением личной власти главы государства и партии Си Цзиньпина. В этой среде существуют опасения, что последний, в случае своего переизбрания на съезде, в будущем нарушит партийную традицию обязательной смены лидера по истечении двух пятилетних периодов. Кроме того, определенное брожение в аппарате

вызывает продолжение и углубление антикоррупционной кампании, которая, как утверждается, используется для продвижения по партийно-административной лестнице «инновационных и открытых к переменам» чиновников, взгляды которых совпадают с позицией высшего руководства. Критики антикоррупционной политики усматривают в происходящем и угрозу паралича работы законодательной власти, периодически подвергаемой масштабным «чисткам». Вместе с тем, возможное обострение внутрипартийных трений не приведет к масштабному политическому кризису.

В связи с замедлением экономического развития Китая и ростом расслоения общества по уровню доходов возможно обострение ситуации в «низах» китайского общества. Продолжает расти число экономических забастовок и протестов против увольнений работников ликвидируемых в рамках реформы госпредприятий корпораций (в основном в металлургической и угольной отраслях).

Во внешней и оборонной политике Китай будет последовательно следовать тактике «жесткости и компромисса. Данная тактика предполагает демонстративную «жесткость», адресуемую, как правило, внутренней аудитории как доказательство сильных лидерских качеств руководства страны и партии и того, что кадровые чистки не мешают стране превращаться в одного из мировых политических лидеров.

С другой стороны, партнерам Китая, которые одновременно рассматриваются им как конкуренты и соперники, демонстрируется готовность к поиску компромиссов. КНР по-прежнему стремится поддерживать с большинством важных для него стран хорошие политические отношения в целях обеспечения благоприятной внешней среды для развития китайской экономики и зарубежной экспансии китайского капитала, в том числе в рамках стратегической инициативы «Один пояс, один путь».

В отношениях с Японией фаза обострения территориальных споров сменяется возвратом к политике поиска возможностей сотрудничества. При этом Китай не отказывается от политики давления на Токио по территориальной проблеме, продолжая посыпать свои корабли в воды, которые Япония считает своими.

Отношения с Южной Кореей в 2017 г. могут обостриться из-за решения Сеула разместить на своей территории американскую систему ПРО ТВД. Несмотря на то, что это решение, по утверждению США, не связано с Китаем и его политикой, Пекин расценивает планы размещения ПРО ТВД, прежде всего входящего в состав системы ПРО радара, который способен частично контролировать китайское воздушное пространство, как нарушение баланса стратегических сил в Северо-Восточной Азии.

В подходах к АСЕАН жесткость китайской политики проявится в дальнейшем игнорировании решения Международного суда в Гааге, не признавшего по иску Филиппин претензий Пекина на часть островов в Южно-Китайском море, и на продолжении работ по созданию искусственных островов в этой акватории с целью расширить границы зоны китайского военного присутствия и контроля.

В перспективах отношений с США в 2017 г. имеется значительный элемент неопределенности, которая, однако, не обернется открытой конфронтацией. Узлами максимальных противоречий, по-видимому, станут проблема ПРО ТВД в Южной Корее и нарастающее американское военное присутствие в Южно-Китайском море. Параллельно Китай и США будут накапливать потенциал взаимодействия в наиболее чувствительных для обеих стран сферах безопасности.

В отношениях с Россией Пекин продолжит интенсивные контакты в экономической и политической областях, что соответствует стратегической линии Китая на многовекторную дипломатию. При этом Китай будет стремиться расширить географические рамки военно-политического взаимодействия с Россией, включая активность в районах Южно-Китайского моря, по поводу которых у КНР имеются противоречия с соседними государствами и США.

Внутриполитическая ситуация в **Японии** в течение ближайшего года кардинальным образом не изменится. После относительно успешных для правящей партии очередных выборов в верхнюю палату парламента с обновлением половины ее состава нынешний премьер Синдзо Абэ закрепил свой статус безальтернативного лидера на ближайшие годы, добившись пересмотра партийных правил, которые теперь позволяют ему занимать кресло партийного лидера и, по умолчанию, премьер-министра, третий трехлетний срок подряд. С высокой степенью вероятности можно ожидать, что в начале 2017 года он объявит проведение внеочередных выборов в нижнюю палату парламента, что, в случае победы, даст ему неофициальный мандат на более настойчивую реализацию таких элементов его личной политической программы, как внесение изменений в конституцию, прежде всего в части облегчения процедуры таких изменений; пересмотр ряда норм в избирательной системе; повышение роли премьер-министра в организации работы государственного аппарата; усиление государственно-патриотических акцентов в образовательной и культурно-просветительской политике.

В экономической политике это позволит продолжить разворот в сторону создания условий для оживления и роста инвестиций. Предполагаемые меры предусматривают придание большей «гибкости» системе найма, в частности постепенное снятие ряда ограничений и мер регулирования, затруднявших использование различных форм неполной или негарантированной занятости при большем учете интересов работодателей. Одновременно, регулирование будет, напротив, усиливаться в таких областях, как охрана прав интеллектуальной собственности и информационная безопасность, включая противодействие незаконной или вредоносной киберактивности. Сохранится и акцент, по крайней мере декларативный, на повышение качества инвестиций и экономического роста, ключевую роль в котором должны играть инновации и укрепление национальной конкурентоспособности («революция производительности»).

Правительство приложит максимум усилий, чтобы спасти соглашение о Транстихоокеанском партнерстве в его нынешнем виде. Оно уже обеспечило ратификацию этого соглашения японским парламентом и намерено содействовать этому процессу в других странах-участниках, используя доступные ему дипломатические и неформальные рычаги.

Правительство и его премьер, безусловно, будут учитывать мнение пацифистски и антиглобалистски настроенной части населения Японии, но объективно и субъективно будут пытаться ограничить влияние соответствующих настроений на политическую жизнь в стране.

Во внешнеполитической стратегии Японии центральное место будут занимать отношения с США, в силу того что Япония в большей степени, чем от кого бы то ни было, зависит от США как рынка и источника экономических ресурсов, а также как глобальной силы, с позицией которой Японии придется считаться при решении любых других внешнеполитических задач и вопросов. В ближайший год основной целью Японии в этом отношении будет выстраивание отношений с новой президентской администрацией и побуждение ее к тому, чтобы она заняла максимально конструктивную позицию в отношении всех основных целей и озабоченностей Японии. К последним относятся, в частности, вступление в силу и имплементация соглашения о Транстихоокеанском

партнерстве, удержание в максимально узких рамках стремления КНР к самоутверждению как ведущей региональной державы и самостоятельного центра силы; сохранение относительной стабильности на Корейском полуострове и усиление роли Японии во всех институциональных форматах и международных действиях в Восточной Азии и в АТР в целом. Побочной задачей будет минимизация организационного и финансового участия Японии в тех американских планах и инициативах, которые она считает для себя излишними или малополезными.

Соответственно, главным содержанием своей активности в отношении США на ближайший год нынешний премьер-министр, скорее всего, сделает попытку выторговать максимально возможный объем политических уступок со стороны новой президентской администрации по традиционному кругу приоритетов японской дипломатии на фоне демонстративных заверений в приверженности японо-американскому альянсу как «оси» японской внешней политики. Речь, в частности, будет идти о благожелательном отношении к японскому бизнесу и его продукции; о возможно более жесткой линии в отношении усиливающегося Китая; о поддержке японского видения корейских проблем, а также самостоятельных инициатив Японии в решении региональных проблем.

Отдельным важным вопросом будет судьба соглашения о ТТП – очевидно, что японские представители приложат максимум усилий, чтобы убедить нового президента поддержать и само соглашение, и процесс его ратификации американским конгрессом. Возможным полем для компромисса между двумя администрациями могут стать механизмы имплементации соглашения. Последние дают возможность фактически корректировать ранее достигнутые договоренности, не пересматривая согласованный текст соглашения, что неприемлемо для Японии, и в то же время позволяют новому президенту США утверждать, что он пусть и частично, но выполнил свои предвыборные обещания в этой части.

Вполне вероятно, что полем жестких, но не всегда открытых для СМИ переговоров станут права и обязанности двух стран в отношении условий функционирования на территории Японии американских военных объектов и их обслуживания.

Другой важнейшей внешнеполитической задачей, которую Япония будет вынуждена решать в 2017 году, станет определение стратегической линии в отношении КНР, значение которой для будущей безопасности Японии в глазах японского политического класса в последние годы сильно возросло. Если ранее считалось, что военные аспекты пересекающихся или сталкивающихся интересов двух стран в обозримом будущем, в основном, «покрываются» содержанием японо-американского военно-политического альянса и могут анализироваться почти исключительно в его контексте, то в последние годы военная активность Китая и необходимость реагирования на нее рассматриваются как совершенно особая, самостоятельная проблема.

С одной стороны, это связано тем, что напряженность в районе контролируемых Японией островов Сэнкаку, которые КНР считает своими, не снижается и в любой может поставить Японию перед трудным выбором между фактическим признанием китайских претензий и риском вооруженного столкновения с китайскими военными. С другой стороны, в Японии растут опасения, что для США, которые официально считаются гарантом военной безопасности Японии, отношения с КНР в последние годы становятся более приоритетными, нежели отношения с Японией. Очевидно также, что США в существующих условиях не в состоянии эффективно противодействовать «ползучей» китайской экспансии в Южно-Китайском море (насыпка искусственных островов с последующим размещением там китайских объектов; попытки регулировать судоходство в акваториях, прилегающих к островам, в одностороннем порядке объявляемых китайской территорией и т.д.).

Соответственно, в японской политической элите растет ощущение, что предотвращение реального или символического национального унижения перед лицом растущей мощи Китая должно стать приоритетом внешней политики Японии в АТР, включая такие ее аспекты, как выстраивание дальнейших взаимоотношений с США, странами Юго-Восточной Азии и Россией.

Вызовы, создаваемые для Японии очевидным усилением Китая в последние годы, во многом будут определять и японскую политику в отношении России. Опасаясь чрезмерного сближения России и КНР, особенно в военно-стратегическом отношении, Япония будет стремиться к поддержанию активных контактов с российской властью, с тем, чтобы постоянно обращать ее внимание на растущие риски, создаваемые политикой КНР. В то же время многое в этих отношениях будет зависеть от продвижения российско-японского диалога по «территориальному вопросу». Из всех проблем двусторонних отношений этот вопрос является для Японии наиболее важным и чувствительным в политico-психологическом плане, и дальнейшее взаимодействие правительств двух стран в поле взаимной заинтересованности по большинству других вопросов, включая китайский вектор и деловые контакты в топливно-энергетическом секторе, во многом будет зависеть от того, смогут ли стороны найти такую формулу урегулирования территориальных разногласий, которая позволила бы каждой из них избежать упреков в чрезмерных уступках.

Республика Корея в 2017 г. будет находиться под влиянием глубоких политических потрясений, разразившихся в 2016 г. в результате обвинений администрации президента Пак Кын Хе в коррупции и злоупотребления властью. При этом кризис показал, что в Южной Корее выработан стойкий иммунитет против нарушения демократических норм, основанный на активности гражданского общества и действенности политических институтов.

Возможны различные сценарии политического урегулирования. В одном из них досрочный уход с поста президента Пак Кын Хе будет сопровождаться приходом к власти правительства с полномочиями, позволяющими не только осуществлять текущее руководство страной, но и связанным конституционным обязательством проведения выборов в 60-дневный срок, предусмотренных реализацией процедуры импичмента, начало которой положило голосование в парламенте 9 декабря 2016 г. Другой сценарий предусматривает согласие парламента принять добровольную отставку президента и назначить новые выборы, если процедура импичмента по каким-либо причинам не будет доведена до конца. При этом для всех потенциальных участников президентской кампании преждевременное проведение выборов представляет серьезный политический риск.

При всех амбициях ведущих политических сил потребуется поиск компромисса между правящей партией и оппозицией, чтобы не допустить серьезных сбоев функционирования власти. Нынешний политический кризис уже показал слабость существующих партий, в том числе оппозиции, проявившей неспособность к поиску оптимальных решений. Несмотря на то, что оппозиционная демократическая партия будет использовать политический кризис в своих интересах, её приход к власти отнюдь не гарантирован. Помешать этому может разобщенность и противоречия в её рядах, а также отсутствие у нее харизматичного лидера. Если переходный период затянется, правящая партия «Сэнури» («Новый мир») попытается выставить кандидата, способного вызвать доверие избирателей.

Однако даже уход с политической сцены Пак Кын Хе и проведение досрочных выборов президента, скорее всего, окажутся недостаточным условием для полной нормализации социально-политического и экономического положения в стране. Скорее всего, исполнительная, законодательная и судебная власть будут испытывать сильное общественное давление, в том числе в форме демонстраций и митингов, в организации

которых активное участие будут принимать профсоюзы, молодежные и неправительственные организации. Общественная активность будет компенсировать выявившуюся слабость политических партий. Тем не менее, выход из кризиса будет найден посредством политических переговоров и не выйдет за рамки конституционных норм.

Тема коррумпированности элит, а также взаимоотношений власти и крупного бизнеса останется в центре общественных дискуссий. С одной стороны, продолжится обсуждение обвинений крупнейших корпораций в подкупе власти имущих, с другой – получит развитие расследование обстоятельств оказания давления государства на коммерческие структуры.

Политические потрясения негативно отразятся на экономике страны. Кроме того, позиции южнокорейского бизнеса неизбежно будут ослаблены имевшими международный резонанс коммерческими неудачами группы корпораций Samsung; проблемами в отношениях РК с Китаем, связанными с размещением на Юге Кореи ПРО ТВД ТНААД, а также ухудшением состояния мировой торговли. В результате, темпы прироста ВВП могут составить от 1% до 2%.

В политическом и административном отношениях 2017 год в Южной Корее будет носить переходный характер, поскольку основные силы поглотят внутренняя борьба в условиях обострения ключевых проблем развития южнокорейского общества.

Принципиальных изменений во внешнеполитических приоритетах Южной Кореи в 2017 году не произойдет, и линия на стратегический союз с США сохранится при любой новой администрации. Вместе с тем в новых условиях размещение в стране ПРО ТВД (ТНААД) может быть если и не отменено, то отложено. В этом случае отношения с Китаем получат позитивный импульс. Однако какие-либо существенные корректизы во внешнеполитический курс Сеула, включая изменение позиций по межкорейским отношениям, сможет внести только новый законно избранный президент и только за пределами 2017 года.

По этим же причинам в течение ближайшего года не следует ожидать принципиальных изменений в российско-южнокорейских связях.

В качестве главной задачи внутренней и внешней политики **Северной Кореи** в 2017 г. по-прежнему будет выступать обеспечение незыбломости существующего режима с использованием для этого всех имеющихся административных, силовых и прочих ресурсов. В этом контексте продолжение ядерных и ракетных испытаний (и сопровождающее их соответствующее пропагандистское обеспечение внутри страны и за рубежом) останется в 2017 г. ключевым механизмом легитимизации власти нынешнего главы северокорейского государства Ким Чен Ына.

Одновременно в решении социально-экономических проблем власти будут стремиться к обеспечению большей сбалансированности внутреннего развития. Так, несмотря на похвалы политике «сонгун», подразумевающей приоритет государственной обороны, в 2017 г. будет продолжен курс на «параллельное экономическое строительство и строительство ядерных вооруженных сил».

Заявленные приоритеты должны быть реализованы в рамках выполнения пятилетнего экономического плана, рассчитанного на 2016-2020 гг. На практике это будет означать сохранение терпимого отношения власти к развитию квазирыночных отношений в городе и на селе. Военной и партийной бюрократии, местному чиновничеству, а также тем или иным образом связанным с ними простым гражданам будет и дальше разрешено (в большинстве случаев негласно) вовлекаться в сферу действия «серого» и «черного» рынка. Это позволит нарастить производство продовольствия, ряда потребительских товаров и услуг. Вместе с тем в 2017 г. продолжится рост неравенства в распределении

доходов и развития отдельных регионов; под влиянием внешних санкций обострится дефицит топлива, необходимого оборудования, товаров и технологий.

Пхеньян будет продолжать игнорировать решения Совета безопасности ООН относительно испытаний ядерного и ракетного оружия, и в 2017 г. вероятно проведение новых ядерных испытаний и запусков ракет. Надежды во внешней политике КНДР будут связаны с возможностью использовать приход к власти в США администрации Д. Трампа, чтобы в той или иной форме вступить в прямые переговоры с США и, одновременно, преодолеть возникшие трения с Китаем. От результативности таких попыток будет зависеть отношение Пхеньяна к развитию межкорейских связей и к переговорам о ядерном статусе Северной Кореи.

В этом контексте отношения между КНДР и Россией будут находиться на периферии внешнеполитических приоритетов Пхеньяна и Москвы, носить производный характер и оказывать незначительное влияние на региональные процессы.

В **Индии**, одном из крупнейших государств Азии, развитию связей с которой Россия уделяет особое внимание в рамках выстраивания балансов в отношениях с государствами региона, наблюдаются неоднозначные политические и социально-экономические тренды. Победившие на парламентских выборах в 2014 году «Бхаратия Джаната Парти» (БДП) и ее лидер Н.Моди в 2015-2016 гг. частично ослабили свои позиции. На выборах в штатах они победили лишь в двух из семи, и то лишь в составе победившей коалиции. Поэтому на следующих парламентских выборах в 2019 году следует ожидать непростой политической борьбы. Шансом БДП является продолжающийся кризис в руководстве главного конкурента этой партии - Индийского Национального Конгресса (ИНК), лидер которой Р.Ганди не пользуется безусловной поддержкой Конгресса. Однако семья Ганди во главе с С.Ганди не идет на реформу ИНК, опасаясь потери контроля над партией, что может привести к расколам и потере заметной политической роли в Индии. Одновременно усиливаются позиции региональных сил и новых партий типа «Аам Адми Парти» («Партия простых людей»), выигравшей в 2015 г. выборы в законодательное собрание Дели.

Социально-экономические процессы. Темп роста ВВП немного замедлился (в 2015 г. 7,5%), что обусловлено не только последствиями глобальных экономических проблем, но и внутренними причинами. Потенциал роста, заложенный в сфере услуг, включая информационные технологии (один из главных двигателей роста ВВП), исчерпан настолько, насколько это было возможно в условиях Индии.

Дальнейшему росту экономики мешают препятствия на путях развития промышленности, для чего необходимы реформы трудового и земельного законодательства, провести которые оказалось не под силу даже сильному правительству Н.Моди – непросто отойти от консервативной политики в области труда и земли. Такой шаг будет стоить властям миллионов недовольных голосов. Либерализация рынков труда и земли и облегчение условий для иностранных инвесторов могут обернуться конфликтами с региональными властями и сужением избирательной базы. В конце 2016 г. правительство Моди пошло на меры по демонетизации индийской экономики, на первых порах негативно сказавшиеся на перспективах роста ВВП и вызвавшие жестко отрицательную реакцию избирателей. Ожидается, что позитивные последствия этих мер начнут сказываться на экономике страны только в середине 2017 г. Причем для Индии, стоящей перед демографическим вызовом, важнее не только и не столько темпы роста, сколько его качество. В стране растет социально-экономическое неравенство, экономический рост непосредственно приносит выгоды лишь узкой прослойке индийцев, что ведет к обострению общественно-политических противоречий и чревато дестабилизацией системы.

Так, летом 2016 г. в штате Гуджарат, главным министром которого был Н.Моди, социальные противоречия вылились летом 2016 г. в межкастовые войны, а в штате Джамму и Кашмир протесты приобрели радикально-исламистский оттенок, в результате столкновений погибло около 50 человек, включая силовиков. В то же время без политически рискованных реформ властям Индии будет трудно обеспечить значительный приток иностранных капиталов и даже заставить многих индийских бизнесменов инвестировать в стране.

Сложные проблемы остаются и в сфере безопасности – сохраняется вероятность конфликтов Индии с Пакистаном, Китаем, Афганистаном, что осложняется наличием у двух первых ядерного оружия. Сохраняется и вероятность развития по худшему сценарию в Афганистане. Такой сценарий, наряду с вероятной дестабилизацией Пакистана и последующим вовлечением Индии, может превратить всю зону Центральной и Южной Азии в территорию насилия и терроризма. Террористическая угроза очень сильно ощущается в Индии. В результате терактов в Индии в 2015 г. погибло более 1100 гражданских лиц и около 500 представителей силовых ведомств, а в 2016 г. - около 859 гражданских и 480 силовиков. Наибольшую обеспокоенность вызывают участившиеся тщательно спланированные террористические нападения на военные объекты в Индии. 1-3 января 2016 г. была совершена атака на авиабазу в Патханкоте, 18 сентября было нападение на штаб 12-й бригады в Ури.

Внешняя политика Индии, учитывая напряженность в отношениях с соседями, направлена на выстраивание региональных балансов, в том числе, путем укрепления отношений с США и Россией. Реакция на результаты выборов в США, где Индия в течение последних десяти лет закупила оружия и оборудования на сумму 15 млрд. долларов, выявила ожидания и озабоченности в отношении будущей стратегии Вашингтона. Минобороны Индии надеется, что при новой администрации более эффективно будет работать программа по оборонным технологиям и торговле (US-India Defense Technology and Trade Initiative, DTTI). Показательным в плане развития военного сотрудничества в 2017 г. и далее будет то, насколько быстро администрация Трампа разрешит продажу Индии боевых беспилотников – принятие решения Б.Обама оставил новому президенту. В то же время Дели обеспокоен возможным изменением курса Вашингтона в сторону постепенного свертывания обязательств за рубежом, снижения приоритетности задачи «продвижения либерально-демократических ценностей». Высказываются опасения относительно возможного ограничения доступа квалифицированных индийских кадров на американский рынок. Для Индии принципиально важно, каков будет подход новой администрации к Пакистану. Выражается озабоченность тем, что высказывавшееся Трампом недоверие к союзникам, в том числе в Азии, если оно будет имплементировано на практике, создаст возможности для усиления китайского влияния в регионе. Равно, не в интересах Дели и возможный пересмотр подходов США к торговым соглашениям. В случае, если в отношениях Индии с Соединенными Штатами возникнет торможение или пауза, шансы Москвы на углубление взаимодействия с Дели в ближайшей перспективе могут возрасти.

Внутриполитическое развитие стран **Юго-Восточной Азии** с высокой долей вероятности будет проходить бесконфликтно. Таиланд и Камбоджа вступят в электоральный цикл, однако кардинальные перемены маловероятны, и властные рычаги останутся в руках нынешних групп элит. Можно ожидать эпизодических всплесков этносепаратизма в Таиланде и Мьянме, однако власти этих стран не допустят эскалации проблем до состояния серьезных кризисов.

АСЕАН в 2017 г. отмечает 50-летие с момента своего основания, что подтолкнет ее к шагам, направленным на усиление своего влияния на глобальные процессы. Ассоциация будет активнее интегрироваться в процессы, проходящие за пределами ЮВА, главным образом на

евразийском пространстве. Можно ожидать интенсификации диалога АСЕАН с Китаем по вопросу о координации планов АСЕАН и китайского проекта «Морской шелковый путь 21 века», а также с Индией – о реализации совместных проектов в рамках индийской политики «действовать на Востоке». На институциональном уровне АСЕАН будет развивать контакты с ШОС и ЕАЭС, а также с «Форумом Азия – Европа» (АСЕМ).

Другим направлением активности станет демонстрация успешности проектов Ассоциации с участием внешних партнеров. В 2017 году можно ожидать заключения АСЕАН и ее партнерами соглашения о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве (РВЭП). В рамках этого проекта акцент будет сделан на мероприятиях по наращиванию взаимосвязей, главным образом строительстве объектов трансграничной транспортной и энергетической инфраструктуры.

Активизируется и сотрудничество в противодействии общим угрозам безопасности. Основные усилия будут направлены на поиск решений проблем Южно-Китайского моря. Можно ожидать, что Китай и АСЕАН согласуют положения Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море как документа, призванного заменить собой Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море, подписанную сторонами в 2002 г. Вместе с тем, положения будущего Кодекса с высокой долей вероятности будут носить расплывчатый и неконкретный характер. Кроме того, вероятное урегулирование усилиями АСЕАН и Китая проблемы Южно-Китайского моря не исключает возможных рецидивов ее эскалации.

В течение ближайшего года следует ожидать всплеска национализма в отдельных странах ЮВА, прежде всего во Вьетнаме. Вероятен новый виток гонки военно-морских вооружений и поставки во Вьетнам и на Филиппины кораблей береговой охраны из Японии. Можно ожидать и большей активности США в отношении проблемы Южно-Китайского моря с косвенным негативным эффектом для АСЕАН.

На многосторонних диалоговых площадках, повестку которых определяет АСЕАН, маловероятно повторение ситуации непринятия совместных деклараций, как это произошло на встрече министров иностранных дел АСЕАН в 2012 г. или третьем заседании Совещания министров обороны АСЕАН+8 в 2015 г. Ассоциация будет избегать конфликтных тем и делать акцент на консолидирующую повестке сотрудничества.

Стремясь наполнить практическим содержанием «стратегическое партнерство» с США, Ассоциация будет прилагать усилия к реализации «Инициативы взаимосвязанности США – АСЕАН». При этом вероятность появления новых стран ЮВА, желающих подключиться к соглашению о Транстихоокеанском партнерстве в ближайшее время невысока, равно как и шансы ратификации данного соглашения теми государствами ЮВА, которые подписали его в 2016 г.

Диалог с Китаем будет строиться вокруг интеграции перспективных планов ЮВА (например, Генерального плана АСЕАН по наращиванию взаимосвязей до 2025 года) и долгосрочных проектов КНР, в частности проекта «Морской шелковый путь 21 века». В отношениях с Индией Ассоциация сконцентрируется на реализации Плана действий по внедрению в практику партнерства Индии и АСЕАН на 2016-2020 гг., адаптируя эту политику под формат АСЕАН-ШОС-ЕАЭС. Ассоциация также продолжит реализацию совместных проектов, предусмотренных второй фазой Программы развития сотрудничества между АСЕАН и Австралией на 2008-2019 годы, с вероятным акцентом на энергетический сектор.

В отношениях АСЕАН и ЕС сторонами будут проводиться мероприятия по «наращиванию потенциалов сотрудничества» в таких областях, как защита интеллектуальной собственности, статистика и воздушный транспорт.

Основной темой диалога АСЕАН и Японии будет реализация Плана действий «Япония–Меконг», а также активизация японских инвестиций в транспортную инфраструктуру стран ЮВА. Тема стимулирования развития будет преобладать и в контактах АСЕАН с Южной Кореей, с акцентом на План действий «Меконг–Республика Корея» на 2014–2017 гг.

В отношениях с Российской Федерацией ожидается реализация положений Сочинской декларации юбилейного саммита Россия–АСЕАН и Комплексного плана действий по развитию сотрудничества РФ и АСЕАН на период 2016–2020 гг. Двигаясь к стратегическому партнерству, стороны будут делать акцент на развитии сотрудничества в сфере транспорта, электронной торговли, энергетики, производства продовольствия, аквакультуры, биотехнологий и освоения космоса. Будут обсуждаться совместные проекты России и АСЕАН в РФ, ЮВА и на евразийском пространстве, в том числе в формате сотрудничества АСЕАН–ШОС–ЕАЭС. Отдельные страны Юго-Восточной Азии, в частности Сингапур, будут прорабатывать возможности заключения соглашений о свободной торговле с ЕАЭС.